

В ОБРАЗЕ ВРАГА — КРЕСТЬЯНИН

Вадим Николаевич КАРАМАН, аспирант Института истории ДВО РАН. Научные интересы связаны с исследованием политических репрессий крестьянства Дальнего Востока СССР.

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСТВА (1929—1938 гг.)

Репрессии в СССР в период 1929—1938 гг. проходили в обстановке вновь сложившейся государственной структуры, что и предопределило их характер. Основные, на наш взгляд, причины, по которым против крестьянства была развернута крупномасштабная военно-политическая акция, можно свести к двум параметрам. Это — рациональные причины, как объективные, так и субъективные, а также иррациональные объективные причины идеологического и психологического характера. Без их выяснения нельзя полноценно представить всю картину политических репрессий против крестьянства.

Механизм данных репрессий можно разделить на пять основных видов. Во-первых, это необоснованно завышенные налоговые сборы по плану хлебозаготовок и самообложению — так называемая политика ограничения кулака (экономические репрессии).

Во-вторых, конфискация имущества и высылка крестьян и их семей, признанных местными органами советской власти кулацкими, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 г. без формального привлечения к уголовной ответственности в административном порядке.

В-третьих, это необоснованное привлечение к уголовной ответственности по различным статьям уголовного кодекса. В особенности по статьям 61 (несдача хлеба во время хлебозаготовок), 117 (спекуляция) и 58 (контрреволюционные преступления) УК РСФСР. Применение последней статьи предполагало не только осуждение крестьянина, но и высылку его семьи, формально к уголовной ответственности не привлекавшуюся.

В-четвертых, это принудительное в административном порядке, вовлечение крестьянина в колхоз и обобществление его имущества при отсутствии материальных стимулов у последнего. Хотя формально обобществление обсуждалось, но реально крестьянина поставили в такие условия, что он был вынужден вступать в колхоз. А в колхозе из собственника производства он становился не просто наемным рабочим с весьма ограниченными юридическими правами, а фактически зависимым от местных властей, в частности, не имел паспорта гражданина СССР, что затрудняло его передвижение по стране и устройство на работу в городе. Колхоз, как известно, в качестве производственной единицы экономической самостоятельности не получал (экономические репрессии).

В-пятых, — это пропаганда, казалось бы, не имеющая прямого отношения к репрессиям. Тем не менее мы постараемся показать, что массированная идеологическая пропаганда направлена была на то, чтобы не только некрестьянское население страны, но и сам раскулачиваемый крестьянин были убеждены в необходимости коллективизации и раскулачивания. Основанием к данным репрессиям служила идеологическая догма гражданской войны: «... Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками»¹. Эта политика вполне, по нашему мнению, заслуживает названия идеологической войны против крестьянства. С высоты пройденных с 20—30-х годов лет людям, живущим в начале третьего тысячелетия, особенно хорошо видна именно эта, не уступающая по своей жестокости всем другим, война против крестьянства.

В 1929 г. коммунистическая партия и советское правительство начали проведение крайне агрессивной политики, перешедшей к массовым репрессиям против такого многочисленного класса, как крестьянство. Но здесь надо отметить, что формально о репрессиях против крестьянства или о его ликвидации не говорилось. Единый класс крестьянства был разделен на три самостоятельных: бедняков, середняков и кулаков. Объявлялось же о ликвидации эксплуататорского класса кулачества: «... нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса»². После десятилетия репрессивной политики против деревни, вслед за раскулачиванием широко применялась статья 58 УК РСФСР, расширенная формулировка которой позволяла осудить по ней практически любого человека, а также многочисленные циркуляры, предписывавшие проведение массовых репрессивных акций, не подкрепленных каким-либо законом; в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) уже вновь единое крестьянство объявлялось одним из трех социалистических классов. «... Эксплуататорские классы ликвидированы, рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества»³.

При исследовании такого сложного и противоречивого феномена, как политические репрессии, разумеется, возникает вопрос, зачем и почему они проводились? При выяснении причин сначала необходимо ответить на вопрос, кто проводил репрессии? Для этого мы всю массу лиц, причастных к осуществлению политических репрессий от общественных институтов до отдельных индивидуумов, разделим на три категории. Для большей точности в определении юридического языка обозначим их как исполнители, организаторы и подстрекатели. Главным организатором политических репрессий было партийное руководство страны. Затем были те, кто руководил исполнением, и рядовые исполнители. Это органы советской власти от верховного до низового уровня. Они участвовали в качестве исполнителей в начальный период раскулачивания и коллективизации, решая, кому быть раскулаченным, а кому нет. Непосредственный арест и высылку крестьян, признанных кулаками, производили органы ОГПУ. Но через год, согласно решению специально созданной комиссии во главе с заместителем председателя ЦКК и наркомом РКИ СССР вся деятельность по управлению выселенными крестьянами, так называемыми спецпереселенцами, из ведения партийных и советских органов перешла в ведение ОГПУ. А в июле 1931 г. решение комиссии было утверждено постановлением СНК СССР «Об устройстве спецпереселенцев».

В период «большого террора» все функции по определению «врагов народа» и их использованию в хозяйственных целях полностью перешли к НКВД. В качестве подстрекателя основную нагрузку нес тот общественный институт, который сейчас называется средствами массовой информации. Тогда этого термина еще не было, но сам общественный институт существовал, поэтому не будет ошибкой называть газеты, радио, кино и отдельных агитаторов исследуемого периода этим современным термином. Все издания к 1929 г. были подконтрольны руководству ВКП(б), и поэтому неудивительно, что все они в один голос утверждали правильность проводимой политики. И, кроме того, призывали усилить поиск и разоблачение всех, кто был не просто не согласен с данной политикой, но и не слишком горячо высказывался за ее проведение.

Рассматривая совершавших репрессии против крестьянства именно под таким углом, можно более точно ответить на такой сложный и запутанный вопрос, как причина репрессий и, в частности, репрессий против крестьянства. Хотя главная нагрузка по проведению массовых репрессий падает на исполнителей, но основную ответственность за них несут организаторы.

Наиболее правильным и объективным, с нашей точки зрения, будет выделить две основополагающие причины политических репрессий против крес-

тьянства. Первая — рациональная. Кому это было выгодно? Из четырех участников политических репрессий [карательные органы ОГПУ — НКВД, партийные и советские органы на местах, центральный аппарат ВКП(б)] главную выгоду — контроль над обществом через материальные ресурсы — получал центральный аппарат. Вторая причина — иррациональная. Это действия, не укладывающиеся в рамки формальной логики и противоречащие не просто интересам общества, но и интересам самих организаторов. Но тем не менее иррациональные причины вполне объективны (субъективные причины мы оставим за рамками исследования).

В тот период требовались значительные и в короткий срок средства на индустриализацию. Наступление на крестьянство было предпринято с целью поставить под прямой контроль государства всю сельскохозяйственную собственность. Единичное крестьянство являлось большинством населения, и уже только этим представляло сложности для тотального управления. Даже если судить только по зажиточным хозяйствам, по стране получалась колоссальная цифра. «... На каждые 100 дворов Сталин насчитывал от 12 до 16 зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств. Более 3 млн. Сталин отнес в черную графу. Если учесть коэффициент семейности (на тот период), то в разряд «ликвидированных как класс» попали 15—20 млн. чел.»⁴ То, что речь шла не обо всем крестьянстве, а только о кулаках, не должно вводить нас в заблуждение — на практике репрессиям подверглось все крестьянство. К крестьянину, даже если он был бедняком, но единоличником, применялось не раскулачивание, а если так можно выразиться, околхозивание, т. е. принудительное (различными способами от прямой угрозы раскулачивания до экономического давления в виде налогового пресса) вовлечение в колхоз, переход в разряд зависимых людей.

В этом вопросе и у начинавшей захватывать все рычаги управления сталинской группы, и у оппозиции особых различий не было. «25 миллионов мелких хозяйств составляют основной источник капиталистических тенденций. Выделяющаяся из этой массы кулацкая верхушка осуществляет процесс первоначального капиталистического накопления, ведя широкий подкоп под позиции социализма»⁵. Контроль же над конфискованной у крестьянства собственностью давал возможность контролировать поведение как крестьянства, так и общества в целом. Такой контроль делал невозможной смену власти в зависимости от уровня жизни населения, его мнения о правительстве и желании его заменить. Здесь налицо была прямая попытка сделать нефункционирующей обратную связь в звене: власть — общество, т. е. стремление сделать власть полностью независимой от общества и наоборот — поставить общество в полную зависимость от власти. Репрессии против крестьянства для решения этой задачи были главным инструментом. Контроль над собственностью позволял использовать ресурсы сельского хозяйства по усмотрению центральных властей вне зависимости от мнений крестьян. И для этого требовалось «ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов»⁶.

Кулак как самостоятельный сельский хозяин не вписывался в административное регламентирование экономики, устанавливавшееся партийным руководством для укрепления своей власти в стране. Это предполагало заменить менее административно управляемое и уже только этим составляющее потенциальную угрозу существующей власти единоличное крестьянство колхозным, и не представляющим ни потенциальной, ни тем более прямой угрозы для существующего режима.

Кроме политических задач власть ставила экономическую задачу — крестьянин должен был превратиться в сельскохозяйственного рабочего. Годы, прошедшие после гражданской войны, показали, что крестьянство по своим идеологическим позициям и по своему мировоззрению никак не укладывалось в схему социалистического строительства, как его понимали стоявшие у влас-

ти коммунистические лидеры. Господствовавшая среди них идеологическая доктрина о крестьянстве как о «попутчике» не позволяла крестьянству оставаться в том виде, в каком оно пребывало на момент коллективизации. Темпы кооперации крестьянских хозяйств не просто не устраивали коммунистических идеологов. Главное их недовольство вызывала именно экономическая независимость крестьянских кооперативных хозяйств, которая неизбежно вела к независимости идеологической.

В результате в пылу идеологических баталий крестьянство как единый класс не признавалось, а его отдельные слои были выдвинуты в самостоятельные классы. Класс — бедняков, класс — кулаков. Последний подлежал полностью уничтожению. Хотя формально предполагалось уничтожение именно класса, т. е. основ, порождающих его существование, а фактически стали уничтожать людей, которые были причислены к этому классу. Деление было не просто расплывчато, но и стояло в прямой зависимости от субъективного мнения членов РИКов, принимавших решение о раскулачивании. Это в свою очередь ставило и их в зависимость от центральных властей, а не от мнения местного населения, интересы которого они должны были выражать. Так, если местные власти после раскулачивания не справлялись с планом хлебопоставок, то темпы раскулачивания ставились им в вину как перегибы. Когда же местные власти распускали нежизнеспособные колхозы, то им ставили в вину, то, что они плетутся в хвосте колхозного движения. Такая политика приводила к неуверенности местных руководителей в своих действиях, приучала их действовать только по руководящим указаниям вне зависимости от их логики. Коллективные трудовые сообщества (колхозы) в деревне не были новостью. Экономически они представляли определенную выгоду для крестьян. Но для лидеров ВКП(б), вставших на путь сплошной коллективизации, темпы роста сельхозкооперативов были явно недостаточными. И самое главное, они возникали сами, а не были плодом руководящих указаний и, следовательно, не были в прямой зависимости от властей. Идеологическая установка требовала тотального контроля над умонастроениями крестьян. А экономическая независимость являла тому серьезное препятствие. Чтобы поставить под свой контроль все виды коллективных объединений, был признан только один их вид — колхозы.

Чтобы решить задачи, которые поставило перед собой руководство ВКП(б), им была начата политика репрессий. Именно единоличники и колхозники (как доколлективизационные, так и после) наиболее пострадали в результате политики сплошной коллективизации и последующей за ней политики «большого террора».

Почему руководству страны было необходимо установить именно тотальный контроль над обществом, а не обычный вполне достаточный и результативно от тотального контроля ничем не отличающийся? Тем более, что при этом малая выгода сочеталась со значительными потерями, сопряженными с риском потери власти. Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать объективные иррациональные причины. Ведь организаторы политических репрессий шли на это в силу объективных причин, обусловленных существованием образовавшегося в стране после гражданской войны политического режима и определившего не только государственный строй, но и образ мыслей, а следовательно, и действий людей, его составлявших.

Репрессии против крестьян носили больше иррациональный характер, чем характер продуманной хитрости и жестокости, но все же укладываемой в рамки рационального восприятия политики.

Главной причиной такого иррационального поведения руководителей ВКП(б) и советского государства, превышавшего все нормы иррационального поведения в стабильных государственных системах, стала инфляция человеческой жизни, которая наступила после гражданской войны. И, хотя после ее окончания прошло, в частности на Дальнем Востоке, шесть лет, политическое руководство продолжало жить лозунгами «военного коммунизма». Все техни-

ческие ограничения ускоренному росту колхозов, выдвигавшиеся специалистами, все больше расценивались как тормоз на пути построения социализма. Крестьянство по своей сути более консервативное, чем другие слои населения, и далеко не сразу воспринимающее все, пусть даже полезные и выгодные ему нововведения, автоматически приравнивалось к врагам колхозного строя. В этом отношении дальневосточные крестьяне, будучи жителями приграничных районов, рассматривались и как потенциальные предатели. Особенно это касалось корейцев, в большинстве своем занимавшихся сельским хозяйством, которые были высланы с Дальнего Востока. Но и после того, как были проведены раскулачивание и коллективизация, крестьянство продолжало подвергаться преследованиям, так как по-прежнему оставалось чужеродным элементом в созданном военно-административном режиме. И еще, пожалуй, немаловажную роль в отрицательном отношении к крестьянству, определившим иррациональную реакцию на крестьянский вопрос, сыграло то, что в правительстве, называвшемся рабоче-крестьянским, имелся всего один выходец из крестьян — М.И. Калинин. Основу партийного руководства, от которого зависело принятие решений, составляли «профессиональные революционеры». Победив в гражданской войне, они стали профессиональными политиками, имевшими только косвенное отношение к сельскому хозяйству. Они привыкли смотреть на крестьян как на поставщиков сначала продуктов, потом бойцов для фронта, а к моменту коллективизации — как на резерв рабочей силы, необходимой для претворения в жизнь их планов. Для того чтобы взглянуть иначе на существовавшие в стране проблемы, руководству ВКП(б) надо было фактически поменять свое мировоззрение, что оказалось нереально, проще было поменять мировоззрение крестьянства. Что фактически и получилось с помощью политических репрессий. Поэтому не будет преувеличением сказать, что главной иррациональной причиной организации политических репрессий было именно мировоззренческое несоответствие взглядов крестьянства и стоявших у власти партийных идеологов.

Анализируя причины перехода руководства страны к политике «великого перелома» и последующей за ней политике «Большого террора», мы приходим к следующим выводам.

Принятый в 1921 г. на X съезде РКП(б) курс на новую экономическую политику не просто перестал устраивать особенно радикально настроенных членов партийного руководства, но и прямо мешал им поставить страну под свой контроль. К 1929 г. внутри руководства коммунистической партии разгорелась ожесточенная борьба за власть. И крестьянство оказалось разменной картой в этой борьбе. На это наслоились и другие причины, такие как острейшая необходимость промышленного прорыва, дающего стране экономическую независимость от внешнего окружения, мировой экономической кризис, обострение международной обстановки, особенно на Дальнем Востоке. Немалую роль сыграл и провал надежд на мировую революцию. Совокупность всех этих причин требовала от желавших остаться у власти промышленных, финансовых, людских средств. Разумеется, все взоры в первую очередь обращались к крестьянству. Предпринятый террор против крестьянства в виде раскулачивания и последующего затем фактического закабаления поддерживался постоянной угрозой осуждения крестьянина как врага советской власти. И все-таки шансы на успех у власти были очень невелики, что косвенно и было признано Сталиным, определившим, по свидетельству британского премьер-министра Черчилля, положение в 1929 г. не менее критическим, чем в 1941 г., когда немцы готовились взять Москву⁷. Это еще раз приводит нас к выводу, что политические репрессии, развязанные против крестьянства, имели своим основанием в большей степени именно иррациональные, неподдающиеся формальной логике причины. Для того чтобы репрессированные крестьяне не начали войну с режимом, отнимавшим у него свободу, требовался совсем особый вид репрессий. Этим видом стало психологическое давление, когда вместо прямых

политических и экономических репрессий против крестьянства использовалась вся пропагандистская машина, т. е. была развязана информационная война. Конец двадцатого века наиболее ясно показал все преимущества, какие дает победа в этой войне. Руководство ВКП(б) вряд ли расценивало свою пропаганду как информационную войну. Не существовало также и специального наркомата пропаганды, аналогичного министерству пропаганды в «третьем рейхе». Отсутствие же такого ведомства компенсировалось наличием других необходимых для этого структур. Так что, как бы то ни было, организаторы репрессий против крестьянства прекрасно понимали значение пропаганды и то, что потери, понесенные в информационной войне, не окупятся и не компенсируются ничем другим. Особое значение приобретало кино, но, несмотря на значительное количество пропагандистских кинокартин, созданных в 20—30-е годы, в деревне они еще не были так распространены, как в городе, что отодвигало их на второй план по сравнению с радио и газетами. Но это лишь более или менее совершенные инструменты для ведения информационной войны. Главным же оружием информационной войны по-прежнему остается человек.

Информационная война рассматриваемого нами периода имела особенность — она так же, как и сама политика репрессий и переустройства общества, носила тотальный характер. Не будет преувеличением сказать, что эта особенность характерна вообще для первой половины двадцатого века. То есть целью этой войны была не локальная победа при проведении политики «великого перелома», а всеобщее подчинение всей информационной машины только одной партийной линии, исключаящей какое бы то ни было иное, даже нейтральное мнение. Такую постановку при ведении войны определял сам характер установившегося в стране коммунистического режима. В соответствии с тем же тотальным мышлением и была развернута информационная война. Эта война велась по нескольким направлениям. Во-первых, пропаганда должна была выполнять идеологическую обработку всех слоев населения. При этом все речи, где бы они ни произносились, где бы ни печатались и кем бы ни создавались, должны были в идеологическом плане походить друг на друга как написанные одним и тем же автором. Такой подход позволял сразу выявить недостаточно ортодоксального идеолога. Во-вторых, всю информацию можно разделить на ту, которую власти старались во что бы то ни стало донести до каждого гражданина страны, даже если эта информация ему не нужна. И на ту, которую старались спрятать, в особенности от тех, кого она непосредственно касалась. Засекречивалась практически вся информация, которую нельзя было использовать в качестве пропаганды.

Образовательный уровень большинства крестьян был невысок, поэтому информационная война против них была более грубой и прямолинейной, но от этого не менее действенной. Используя указанные направления, руководителям ВКП(б) удалось победить в информационной войне. Стиль, выбранный для идеологической обработки населения, в особенности сельского, заключался в преобладании лозунгов, обращенных к чувствам, без каких-либо серьезных анализов. Наиболее обращает на себя внимание преобладание военной лексики при обсуждении не только хозяйственных вопросов, но и каких-либо других. Обращение же к военной лексике делило все информационные сообщения на осудительные, призывные и восхвалительные. Осудительные материалы были направлены на создание «образа врага» и его разоблачение. Образ врага не был постоянным и неизменным, иначе он не мог бы долго эксплуатироваться. Менялся этот образ в зависимости от политической конъюнктуры. После перехода от борьбы с троцкизмом к борьбе с правым уклоном самым сильным, а для крестьянства особенно значимым был пропагандистский трюк с перегибами. После создания образа врага в виде «кулака-мироеда» обстановка к весне 1930 г. в деревне накаляется, и этот образ меняется на более действенный образ «перегибщика-чиновника», на которого и сваливаются все

беды. Все насильственные меры при коллективизации объявляются его выдумкой, а не линией партии. О колхозной политике ВКП(б) говорилось, что «эта политика опирается на добровольность колхозного движения и учет разнообразия условий в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно»⁸. Результат этого несложного трюка более чем очевиден, обстановка в деревне несколько разрядилась и начался массовый выход крестьян из колхозов. Недовольство центральными властями было переключено на местных организаторов колхозов, в большинстве состоящих из тех же крестьян. Это взаимное недовольство раздули в классовую борьбу в деревне. При этом создание нежизнеспособных колхозов было объявлено делом кулаков: «Кулаков не видят, — писала «Тихоокеанская звезда», — в Гилевке Хингано-Архаринского района Амурского округа вышли из колхоза бедняки... середняки... Причины выхода заключаются в засоренности колхоза кулаками. Этот колхоз был организован летом 1929 г. кулаками и спекулянтами — контрабандистами... вокруг них собрались несколько человек бывших дезертиров Красной Армии.

Несмотря на то, что в прошлом году объединившиеся кулаки зазывали в колхоз некоторых бедняков и середняков с целью прикрыть ими кулацкую сущность колхоза, они наотрез отказались...

После опубликования статьи тов. Сталина бедняки и середняки стали выходить из колхоза, мотивируя это тем, что они не желают состоять в одном колхозе с кулаками...»⁹ В результате такой пропаганды крестьянство оказалось расколото и назревавшая крестьянская война была остановлена.

В дальнейшем образ кулака как главного и последнего врага советской власти, сыграв свою роль, отходит на задний план. Дольше других продержался благодаря своей расплывчатости образ «врага народа». Использование «образа врага» позволяло раскалывать относительно монолитные структуры общества. А расплывчатость этого образа давала возможность маневрировать, чтобы любой человек видел образ в каждом кроме себя. Газеты запестрели безадресными, а потому могущими быть обращенными против любого призывами бороться и ликвидировать: «Решительный и беспощадный отпор кулацким настроениям, мелкобуржуазному либерализму и заигрыванию с кулаком. Двuruшников, перерожденцев, обманщиков — вон из партии! Решительно пресечь попытки кулачества и его агентов сорвать план...»¹⁰

Эксплуатация этого образа порождала в обществе неуверенность. А это в свою очередь не давало возможности адекватно оценить обстановку и принимать решения. Отсутствие позитивных сдвигов в сельскохозяйственной экономике тонко использовалось при пропаганде и работало на «образ врага». Здесь характерна игра словами, цифрами и терминами. «Лишь один Михайловский район сумел добиться от кулаков 100-процентного выполнения полученных ими твердых заданий. В остальных районах нажим на кулака по-прежнему недопустимо слаб. В Ивановском районе из 42000 пуд. кулацкие хозяйства вывезли на сыпные пункты только 29000 пудов. В Спасском районе кулацкие хозяйства выполнили свои задания на 75 %. В Гродековском районе собрано лишь 50 % кулацкого хлеба, в Черниговском — 62 % и в Суйфунском — только 45 %»¹¹, — констатировала «Красное знамя», главная партийная газета Владивостокского округа. Но, приводя неутешительные данные хлебозаготовок, свидетельствующие о фактическом провале этой кампании, так как она не выражала интересы крестьян, пропаганда переворачивает данные, и в результате виновным оказывается не политика властей, начавших эту разорительную кампанию, а «коварные» кулаки, не желающие отдавать хлеб государству за бесценок. Эффективность такого переворачивания фактов была настолько высокой, что даже крестьяне, осужденные за антисоветские высказывания, при выражении своего недовольства государственной политикой использовали лексику, фразеологию и идеи именно советской пропаганды.

Если высшие чиновники еще как-то сдерживали себя на начальном этапе, то публицисты и пропагандисты в этом отношении превращали свои издания практически в военные воззвания.

Поэтому параллельно с осудительными, практически сливаясь с ними, шли и призывные пропагандистские материалы. Так, при организации кампании хлебозаготовок все газеты первые полосы своих изданий посвящали только призывам отдать хлеб — к крестьянам, отобрать хлеб — к хлебозаготовительным органам и к суровой каре — для всех, не сдавших хлеб. «Немедленно предъявить кулаку счет. Срок, данный кулаку для выполнения твердых заданий, истек 15 ноября. Сегодня — 5 января. Несмотря на это, в подавляющем большинстве сел кулацкие хозяйства твердых заданий не выполнили. По сей день на местах не приведены в движение все рычаги воздействия, имеющиеся в распоряжении пролетарского государства. В центре рисосеяния — Ханкайском районе — не выполнено и половины плана заготовок риса. Бросим рабочие бригады на этот участок! Сломить кулацкий саботаж»,¹² — писала газета «Красное знамя» 5 января 1930 г. Подобные материалы, состоящие из смеси призывов к выколачиванию хлеба и указаний на классового врага, не дающего это делать, без малейшего намека на анализ ситуации и выяснение экономических причин неудачи хлебозаготовительной кампании, заполняли страницы всех газет вплоть до завершения так называемого великого перелома. Через два года, когда стало ясно, что больше от крестьянина получить ничего нельзя, место публикаций о сельском хозяйстве в местной прессе заняли материалы о путине и об освоении рыбных богатств края. Сельскому хозяйству с этого времени в идеологической пропаганде отводится второстепенная роль.

Хвалебные материалы занимают с каждым годом все большее место, но относятся они либо к руководителям страны, либо к абстрактным крестьянкам-колхозникам. На психологию крестьянства этот вид информационного давления оказывал немалое влияние. Во-первых, он эксплуатировал идею «добротного царя», еще не до конца потерянную после гражданской войны. Во-вторых, до определенной степени льстил самолюбию крестьян, когда колхозники наравне с рабочими и интеллигенцией признавались основой социалистического общества. Хотя, это действовало в несколько меньшей степени, чем образ «добротного царя».

Но все меры идеологической обработки общественного мнения не всегда достигали требуемого результата, о чем свидетельствуют многочисленные дела, возбужденные по статье «Контрреволюционная агитация и пропаганда». Причем во многих делах в основу обвинения ложились неодобрительные высказывания крестьянина в отношении материалов, публикуемых в советских газетах. Крестьянство в своей основе довольно консервативно и все нововведения принимает только после длительного изучения. В этом отношении достаточно упомянуть такой известный факт, как долго завоевывал любовь крестьянства такой полезный продукт, как картофель, ставший практически вторым хлебом. Поэтому неудивительно, что абстрактные понятия, навязывавшиеся назойливой пропагандой, не находили сразу отклика в крестьянской среде. Этот консерватизм, конечно, учитывался. Но, учитывался только для того, чтобы с ним бороться, а не считаться. Борьба с ним составляла не меньшую часть информационной войны, чем манипулирование общественным мнением и внедрение в сознание. Главным методом слома было настойчивое изо дня в день повторение крестьянину той мысли, что если у него есть собственность, то он кулак и враг советской власти и ему нет места в советской стране. Также внушалось, что он как кулак в одиночестве и против него вся страна. Это вызывало моральную подавленность и растерянность, так как противопоставить этому свои идеи крестьянин не мог.

Но в отношении, например, старообрядцев этот метод не действовал. Старообрядцы были более фанатичны в своей вере, чем остальное население, и это давало им силы противостоять моральному террору. Неудивительно, что

вооруженное восстание на Дальнем Востоке подняли именно они. В этом же ключе стоит и неприятие крестьянами школ, ибо, учась грамоте, крестьяне получали возможность читать, но основным их чтением были газеты, доказывающие крестьянину, что он живет неправильно, что он должен полностью поменять свою жизнь. А так как основным контингентом школ была молодежь, то раскол в крестьянстве возникал не только по имущественному признаку, но по возрастному. Тем более, что молодежь более подвержена стороннему влиянию. Влияние же школы и печати (сюда же можно отнести радио и агитаторов различного рода) было сильнее, чем влияние родителей и старших односельчан. Результатом стал разрыв связи поколений.

Антицерковная политика тоже входила в информационную войну. Церковь еще не успела полностью перестроиться на службу новому режиму и отвлекала крестьян от восприятия советской пропаганды. Поэтому, закрывая храмы, государство преследовало цель лишить крестьянина духовной опоры, чтобы он поневоле мог обратиться к партийным доктринам, которые все больше становились новой религией, чем политическим течением. Кроме того, ломка знакомых крестьянину с детства святынь давила на его психику, превращая в управляемое, не имеющее собственного мнения существо. Все призывы об осторожном отношении к чувствам верующих были обращены в большей степени к местным руководителям. Делалось это для того, чтобы в случае каких-либо волнений, связанных с мероприятиями советской власти, опять же направить недовольство крестьян против этих руководителей как неправильно понявших политику партии.

Манипуляция массовым сознанием при всей мощности давления никогда не достигает стопроцентного подчинения массы. Психология толпы действовала не на всех, а только на определенный процент. Несмотря на то, что информационная война носила тотальный характер, она не сделала тотальным изменение психологии крестьянства, тем более в том русле, какой планировали ее организаторы. Но для победы в информационной войне (пусть даже тотальной) не требовалось переменить ход мыслей у всего населения. Достаточно было сделать управляемым только часть населения, составившую так называемую критическую массу, давшую возможность лишить общество каких-либо ориентиров, кроме пропагандируемых.

Заканчивая разговор, посвященный политико-идеологическому аспекту политических репрессий, отметим, что государство использовало все имевшиеся в его распоряжении механизмы давления. Мы видели пять периодов в черед репрессий, развернутых против крестьянства по числу видов репрессивных методов, применявшихся в отношении деревни.

Во-первых, хлебозаготовительная кампания. Она повторяла реквизиционные методы «военного коммунизма». Преследуя экономические цели в одной области (индустриализации), она не считалась с проблемами, возникающими в других областях (сельском хозяйстве). Крестьяне расценивали эту кампанию как простое ограбление. И были в этом правы, так как результатом стало обнищание экономически крепких единоличных хозяйств, но не привело к экономическому процветанию противопоставлявшихся им колхозов.

Во-вторых, раскулачивание, явившееся самым тяжелым ударом по крестьянству. Из сельского хозяйства изымались наиболее умелые и инициативные крестьяне, объявленные кулаками. Их бросали в лучшем случае на «заделывание дыр в народном хозяйстве». Признанные кулаками крестьяне без какого-либо обсуждения фактически приравнивались к преступникам. Проведение же данного вида репрессий преследовало в основном только одну цель: существование экономически независимых хозяйств затрудняло возможность тотального контроля в стране, поэтому их необходимо было уничтожить путем высылки всех, кто смог организовать такое хозяйство.

В-третьих, колхозная политика строилась так, что главной ее целью было не создание экономически жизнеспособных и эффективных кооперативов (колхозов), а фактическое закрепощение крестьянства и подчинение его интересам стоявших у власти идеологов. Такой поворот колхозной политики привел как к развалу сельского хозяйства, так и к демографическому перевороту, сделавшему ранее крестьянскую страну страной городской. Это произошло не в результате объективного процесса и экономических закономерностей, а из-за сознательной политики превращения крестьянина в средство получения ресурсов (людских, материальных), необходимых для удержания и укрепления власти.

В-четвертых, репрессии против крестьянства в 1932—1934 гг. перестали носить специфический антикрестьянский характер. Крестьяне, уцелевшие от раскулачивания и коллективизации, продолжали находиться под «дамокловым мечом» карательных органов, разделяя судьбу всех других слоев общества. В период между «великим переломом» и «большим террором» из крестьянских рядов вырывались мало-мальски заметные и не слившиеся в единую безликую массу люди и осуждались как государственные преступники. Происходило это как в массовом порядке (приказ по НКВД № 00447 и др.), так и индивидуально (статья 58 УК РСФСР).

В-пятых, информационная война, перевернувшая сознание как крестьянства, так и всего общества в целом, обеспечила относительно без потерь (в виде большой крестьянской войны) проведение первых четырех видов репрессий. Кроме того, она окончательно лишила крестьян возможности восстановить свой потенциал при существующем режиме.

В результате всех этих репрессий к концу большого террора крестьянство не представляло ни малейшей угрозы победившей в борьбе за власть сталинской линии в ВКП(б).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 145.

² Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 292.

³ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.; 1939. С. 589.

⁴ Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток, 1997. С. 37—38.

⁵ Проект платформы большевиков-ленинцев (опозиция) к XV съезду ВКП(б) // Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923—1927. М., Т. 4. С. 115.

⁶ Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 589.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 2. С. 526.

⁸ Сталин И.В. Головокружение от успехов. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 300.

⁹ Тихоокеан. звезда. 1930. 4 июня.

¹⁰ Смычка. 1932. 23 дек.

¹¹ «Красное знамя». 1930. 5 янв.

¹² Там же.

SUMMARY. V. Karaman called his article «An Image of Enemy — a Peasant». From 1929 up to 1938 the policy of mass political repression was organized against peasantry. It was a consequence of the lack of skill and disinclination to decide social and economic problems of the society by economical and social reforms. Being the alone class capable economically to supply industrial breakthrough of the USSR, and being the only total non-controlled part of the society the peasantry has become the main object of the repressive machine. Besides the peasants have appeared «a change coin» in the struggle for power in the country where different groups of UCP (b) took place.